

громадное деревянное колесо, сплоченное изъ толстыхъ бревенъ, катится по желобу изъ самыхъ длинныхъ бревенъ, какія только можно найти «на общественную пользу» въ богатомъ церковномъ лѣсу, и выминаетъ рожь изъ сноповъ, положенныхъ перпендикулярно въ желобу... Увы! Колесо въ дѣйствительности производило свою работу столь основательно, что не оставалось ни ржи, ни колосьевъ; въ желобахъ получалась какая-то сомнительная пыль, если рожь была суха, или не менѣ фантастическая грязь, если рожь была сыровата (первый опытъ).

Десять бревенъ лѣса, два десятка сноповъ ржи и годъ труда принесъ Дорофеичъ на пользу общественную... И до сихъ поръ свидѣлствуютъ объ этой жертвѣ десять бревенъ, обросшихъ густой, веселой, зеленой травой, или полузанесенныхъ пушистымъ снѣгомъ, но еще не тронутыхъ ничьей святотатственной рукой... О, не смѣйся надъ этимъ бѣднымъ памятникомъ бѣдной мысли, случайный посѣтитель маленькаго погоста, — все-таки это памятникъ возрожденія нашего медвѣжьяго угла и, какъ онъ ни курьезенъ, — «въ немъ есть идея!»

Впрочемъ, въ нашъ скромный погостъ залетали идеи поглубже и пошире, чѣмъ — вычитанная Дорофеичемъ въ «Запискахъ». Ихъ привозилъ съ собою въ головѣ и въ чемоданѣ студентъ. Да, въ числѣ обывателей нашего мирнаго погоста лѣтомъ считали мы и студента, сироту, сына покойнаго дьячка Павлыча. Ѳедоръ Борисычъ былъ, какъ говорили у насъ, «битка-парень». Съ пустымъ карманомъ, но за то съ полнымъ надеждами сердцемъ и съ жаждущей свѣта головой, окончивши семинарскій курсъ, пустился онъ наудачу въ Москву, и когда я его помню, былъ уже на послѣднихъ курсахъ медицинскаго факультета. Часто декламировалъ онъ мнѣ стихи и особенно своего любимаго «Школьника», послѣ котораго обыкновенно говорилъ задумчиво:

— Славная, братъ, штука!.. Да. Вотъ этакъ я, бывало, точь въ точь, бродилъ по нашему сыпучему песочку въ семинарію... Ты вотъ счастливчикъ!.. Тебя батюшка будетъ въ тарантасѣ возить... Да тебѣ это ничего! У тебя глазенки хорошо смотреть... Учись, мой милый, славный мальчикъ, учись... Не робѣй, не пропадешь!..»

Прекрасно говорилъ Ѳедоръ Борисычъ со мной; такъ просто, просто, душевно, мягко и рассказывалъ такія славныя вещи: то приключенія славнаго ламанчскаго рыцаря, то забавное вранье Мюнхгаузена, или Фенимора Купера. Онъ не учительствовалъ, но всегда послѣ его разговоровъ и рассказовъ такъ хотѣлось самому узнать все и рассказывать такія же хорошія вещи.